

Жан-Филипп Жаккар: «Я верю в нормальных людей» | Jean-Philippe Jaccard : « Je crois aux gens normaux »

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 15.06.2022.

Жан-Филипп Жаккар Photo © Nashagazeta

В последние дни перед выходом на пенсию заведующий кафедрой русского языка и литературы Женевского университета поделился с Нашей Газетой впечатлениями о 20 годах, проведенных на этом посту и о многом другом.

|

Quelques jours avant son départ à la retraite le chef de l'unité de russe à l'Université de Genève a partagé avec Nasha Gazeta ses impressions, après vingt ans passé à ce post.

Jean-Philippe Jaccard : « Je crois aux gens normaux »

Всему хорошему приходит если не конец, то переход в новое состояние – к такому переходу в эти дни готовится хорошо известный многим нашим читателям профессор и переводчик Жан-Филипп Жаккар. Мы [впервые представили](#) вам его в далеком 2008 году. На тот момент Наша Газета только набирала обороты, а он уже шесть лет как заведовал кафедрой, сменив в этой должности знаменитого профессора Жоржа Нива

– задача не из простых, настоящий challenge, но говорил об этом Жан-Филипп просто, с присущей ему легкой иронией. С тех пор мы регулярно встречались по самым разным поводам, однако сообщение о том, что он собрался на пенсию, вызвало изумление: невозможно поверить, что он достиг требуемого возраста, ведь Жан-Филипп относится к типу никогда не стареющего вечного студента...

Наша Газета: Жан-Филипп, некоторые наши читатели, прознав о Вашем выходе на пенсию, заинтересовались, не связано ли это решение с войной на Украине...

Жан-Филипп Жаккар: Конечно, нет! Ни с Украиной, ни с Covid, потому что такие решения принимаются заранее. В любом случае, согласно существующим правилам, я должен был бы выйти на пенсию через год, я просто решил сделать это годом ранее.

А почему такое опережение графика?

Потому что надоело. Надоела академическая жизнь. Не преподавание (преподавание я очень люблю), а все, что связано с бюрократией, которая расцветает, как сорняк.

Русский язык не только велик и могуч, но и полон тонких нюансов, порой определяемых приставками. Так, на пенсию у нас не Уходят, а Выходят – как в открытый космос. Какое пространство ожидает Вас? Чем собираетесь заниматься?

Я бы хотел быть более свободным, чтобы думать, писать, читать. Сейчас такой возможности практически нет. Романы удастся читать только летом, во время каникул – что странно для профессора словесности. Возможно, через три года, когда мой преемник освоится в должности, я буду иногда читать лекции – на безвозмездной основе. В свое время я так же пригласил профессора Нива. А тем временем я планирую писать статьи, участвовать в конференциях. Мне хочется писать не тексты с четко установленным форматом – 35 000 знаков, примечания, четкий срок сдачи и т.д., а эссе. Под влиянием вдохновения. Есть и проекты книг. То есть я не совсем покидаю академическую жизнь, но несколько отстраняюсь, чтобы взглянуть на нее с другого ракурса.

Правда ли, что общение со студентами продлевает молодость?

Не знаю. Интеллектуальная работа точно помогает поддерживать форму – это было особенно видно по Жану Старобинскому, который работал почти до ста лет. Общение с молодежью тоже, конечно, способствует гибкости в восприятии мира – если общаться только с ровесниками, которые стареют, то и сам стареешь и начинаешь ругать молодежь. Но все же все определяет характер.

Вы возглавляли кафедру русского языка и литературы Женевского университета 20 лет – срок более чем солидный. Как изменились за это время программа, студенты, преподавательский состав?

Преподавательский состав изменился мало, хотя вышли на пенсию некоторые профессора – например, [Владимир Берелович](#) . Но Жервез Тасси, с которой мы вместе учились, еще преподает.

А вот программа изменилась сильно. Самые главные изменения связаны с Болонской

реформой, катастрофической для наших предметов. Надо понимать, что, когда начинаешь заниматься русским с нуля, до академического преподавания довольно далеко – два года занимает изучение языка, истории русской литературы, основ лингвистики. И только на третьем курсе начинаются серьезные вещи. И теперь на этом все заканчивается, несмотря на то что уровень студентов после трех лет обучения еще слабый. Совершенно не все обладатели бакалавра переходят в магистратуру, да еще по той же специальности. Кроме того, наша магистратура славится, как сложная – преподавание ведется на русском языке. Многие студенты беспокоятся о своем профессиональном будущем, ведь выдаваемый нами диплом «свободный». Поэтому для магистратуры некоторые выбирают иную специализацию – например, коммуникацию или изучение Восточной Европы, без литературы.

Уровень студентов в целом снизился, хотя отдельные сильные студенты, конечно, есть. Думаю, это связано с преподаванием в школе, где систематическое изучение языка уже не практикуется, а русский предлагается в Женеве в некоторых школах в качестве опции.

Жан-Филипп Жаккар читает "прощальную лекцию" Photo © Nashgazeta

Каков, скажем так, национальный состав ваших студентов?

Он разнообразный. Есть «коренные» швейцарцы. Есть родившиеся или с детства живущие в Швейцарии русские, которые говорят по-русски, но не умеют писать. Есть ребята из России. Стоит заметить, что некоторые местные русские, думавшие воспользоваться своими унаследованными преимуществами и выбиравшие наш

факультет по пути легкости, поняли, что учиться у нас довольно трудно, что нужно действительно интересоваться литературой и читать книги, иногда толстые. Поняли и ушли. Состав меняется от года к году, сейчас у меня есть полностью франкоязычная группа, например.

Уже во время того первого нашего интервью - 14 лет назад, страшно подумать! - Вы отмечали спад интереса у студентов к гуманитарным предметам. Усилилась ли эта тенденция в целом и в том, что касается русского языка и литературы в частности?

Я наблюдаю волны – то наплыв интереса, то отлив. В каждом наборе студентов выделяются несколько таких, в ком чувствуется настоящий литературный импульс. Одна наша студентка, например, организовала «Литературное кафе» – ребята читают книги, потом собираются и обсуждают их. Есть довольно активная Ассоциация студентов русского отделения – они устраивают различные дискуссии, просмотры фильмов. Но есть и такие, каким был я сорок лет назад: они подцепили «русский вирус», заболели этой страной, ее культурой, стремятся туда ездить.

Я бы говорил о спаде интереса не к культуре, а именно к литературе: читать трудно, смотреть кино гораздо легче. Причем речь идет не только о русской литературе – на французском или английском отделениях та же картина. Некоторые слушают аудиокниги. Но многие все же выбирают наше отделение именно в силу любви к литературе, и это нас спасает.

Мне посчастливилось быть приглашенной на Ваш, так сказать, прощальный бенефис в университете - изумительный, очень теплый и трогательный вечер, организованный Вашими коллегами. В качестве темы Вашей «последней лекции» Вы избрали «Абсурд». Почему?

Потому что не знал, что выбрать – меня же практически заставили читать эту лекцию! Я всю жизнь занимался литературой абсурда, начиная с Хармса, но и до этого, еще когда работал в области французской литературы, то интересовался авангардом и переходом от авангарда к абсурду и экзистенциализму – это моя главная тема. Такова первая причина.

Кроме того, идет война. И я подумал, что, выбрав темой «Абсурд», я смогу говорить обо всем: о себе, об университете (там столько абсурда!), о жизни вообще, об Украине, о своей ученой карьере... И о России, конечно – советской и нынешней.

Сейчас, когда на Украине идет война, многие русофилы - по профессии и просто по жизни - говорят, что чувствуют себя преданными Россией. Что пережили Вы 24 февраля 2022 года?

«Быть преданным Россией» – это, по-моему, глупость. Что это значит? Что все население, горы Алтая, каждый полевой цветок, то есть вся страна в целом обидела конкретного «меня», потому что российская армия вторглась в Украину? Абсурд!

Что касается 24 февраля, то, конечно, было крайнее удивление: никто такого не ожидал, все ошиблись, и я – первый. И сразу думаешь о друзьях – когда я их увижу? Смогу ли туда поехать? Приедут ли они, и не только, как беженцы? Чисто эгоистическая реакция, что нормально. И только затем начинаешь анализировать ситуацию. Я никогда не ассоциировал Россию с ее правительством, иначе никогда не

выбрал бы ее в качестве предмета для изучения.

Многие сравнивают сейчас россиян с немцами накануне и во время Второй мировой войны, не понимая, как впитываемая с детства великая культура совместима с такой агрессивностью, почему многие россияне реально поддерживают своего президента. Есть ли у Вас ответ на этот вопрос?

Мой ответ будет многоступенчатым. Мне кажется, что высокий процент поддержавших был в начале. Так бывает всегда: когда Буш напал на Ирак, его поддерживало 95% населения, 95% информированных американцев. Но через пару недель ситуация начинает меняться. Я не думаю, что даже половина населения Москвы, Петербурга, Новосибирска, других крупных городов поддерживают эту войну, как и Путина на последних выборах.

И как можно полагаться на результаты опросов?! Ведь многие отказываются отвечать. Кроме того, матери солдат, отправленных на фронт, начинают понимать, что творится, несмотря на всю пропаганду.

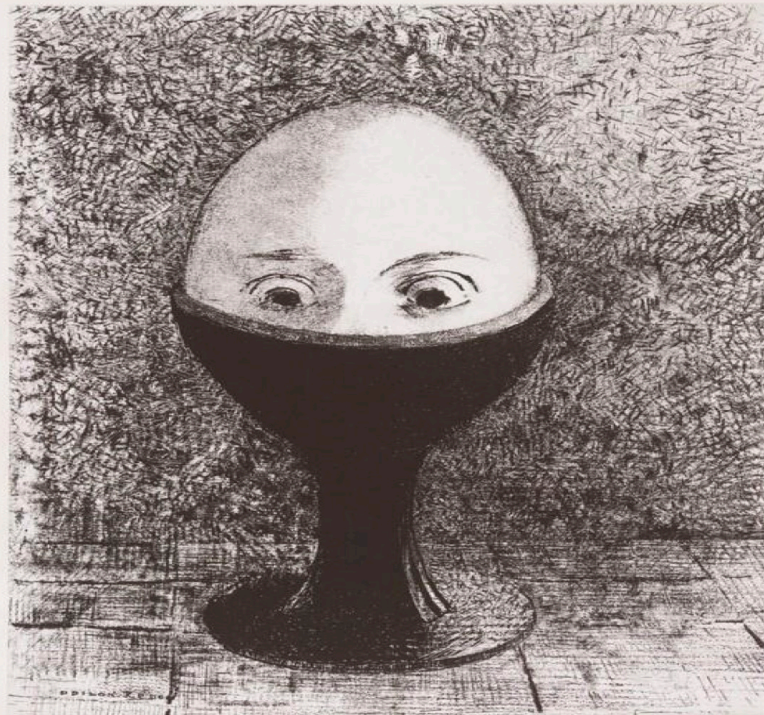
По поводу культуры. Войны, увы, были всегда, каков бы ни был уровень культуры. Нашему поколению это труднее понять, потому что мы до сих пор жили без войны. В Африке к этому относятся с большим пониманием. Авторитарные режимы поощряют культуру, как средство пропаганды – везде. Сейчас все черно-белое. Россия минус, Украина плюс. Украина сейчас исключает Толстого из школьной программы – не буду это комментировать.

В первые дни войны во многих странах, включая Швейцарию, пошла мощная волна протестов против русской культуры как таковой – такого не наблюдалось даже во время Второй мировой войны: никто не «отменял» Бетховена, а место «отмененного» в СССР Вагнера все же особое. Сейчас чаша весов выравнивается, но многие раны останутся. Как бы Вы все это прокомментировали?

Стоит заметить, что даже Вагнера запретили только в СССР, то есть в тоталитарном государстве, которым не является Швейцария. А в остальном, мне совершенно не жаль Гергиева – про него все давно известно. При этом я был в шоке, узнав, что под давлением украинцев был отменен фестиваль в Ренне, называвшийся «От Львова до Владивостока»: ничего не зная о сути мероприятия, они усмотрели в названии имперские амбиции России. Я полностью поддерживаю позицию Сергея Лозницы, высказанную на Каннском фестивале, она очень разумная.

Знаете, я могу даже понять первую, животную реакцию. Но потом надо прийти в себя и начать думать. К сожалению, люди не думают.

ABSURDE

Mardi 24 mai 2022 à 19h

Palais de l'Athénée au 2, rue de l'Athénée

FACULTÉ DES LETTRES
UNITÉ DE RUSSE

UNIVERSITÉ
DE GENÈVE

Афиша "прощальной лекции"

Ваше отделение активно сотрудничает (сотрудничало) с российскими коллегами. Что будет теперь?

Действительно, у нас есть договоры со многими учебными заведениями, и после начала войны этот вопрос встал. Я был категорически против отмены хотя бы одного договора, ведь ученые, исследователи – это как раз те люди, которые должны общаться. Некоторые русские студенты боялись, что их выгонят – я гарантировал, что этого не произойдет. Более того, одной девочке из Иркутска, которая перестала получать деньги от родителей, была оказана материальная помощь. Есть у нас и

украинская студентка, и они нормально общаются – люди остаются людьми. Я очень рад, что Женевский университет повел себя именно так. В EPFL, например, реакция была совсем иной.

Вы отлично знаете русский мир. Есть ли, на Ваш взгляд, сегодня авторитет, способный оказать большее влияние на россиян, чем ведущие государственных телеканалов?

Я таких не вижу. Личностей мало – им не дают развиваться. «Всплывают» те, кто громче всех кричат или кого сажают. Как Навальный, ставший мучеником – в России любят «несчастненьких».

Что сказал бы Ваш любимый Даниил Хармс?

Он жил в 1930-е годы. Несмотря на ускоренные темпы развития нынешней ситуации и реальные основания для опасений, я все же думаю, что до сталинских масштабов дело не дойдет. Что сказал бы Хармс? Я могу представить его себе таким же, каким он был тогда – испуганным, стремящимся держаться подальше от реальной жизни, окруженным маленьким кругом проверенных друзей. Как Вы помните, во второй раз Хармса арестовали за распространение пораженческих настроений. Думаю, он бы и сейчас испугался и предсказывал бы плохой конец – в том числе и стукачам.

Одна наша читательница, узнав о Вашем выходе на пенсию, поинтересовалась, останется ли вообще русская кафедра. Кафедра, насколько я понимаю, останется, но знаете ли Вы, кто Ваш преемник?

Кафедра остается, хотя не сомневаюсь, что найдутся... не очень умные люди, которые предложат заменить русскую кафедру на украинскую.

Останется и Русский кружок, существующий уже более 50 лет – думаю, он уже бессмертен.

Насчет преемника: я знаю, что он избран, но секрет будет храниться до начала июля. Могу лишь сказать, что из 30 имевшихся кандидатов все четыре, прошедшие «в финал», были очень сильными.

Каков Ваш прогноз на ближайшее время?

Прогнозировать что-то трудно. Я с большим уважением отношусь к тем россиянам, которые открыто выступают против войны – это очень мужественные люди. Такие были там всегда. И это обнадеживает, ведь они показывают правильный путь. Но я не презираю и тех, кто боится занимать публичную позицию – не всем быть героями. Я вообще ненавижу слово «герой», как ненавижу флаги и прочую официальную символику. Я верю в «нормальных» людей, которые будут продолжать общаться и пытаться понять друг друга.

[Женева](#)

Статьи по теме

[Жан-Филипп Жаккар: Любите ли Вы Хармса?](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/zhan-filipp-zhakkar-ya-veryu-v-normaln>

ykh-lyudey